

УДК 1:316

ББК 60.03

DOI: 10.46726/И.2021.3.13

Б. М. Кондорский

РОССИЯ КАК ГОСУДАРСТВО-ОЙКУМЕНА

В статье предпринята попытка осмыслить и привести в определенную систему историю России на основе концепции ойкумены как системы, имеющей свои внутренние законы, как единства природных и социальных явлений и процессов. Рассмотрена специфика ряда ойкумен, сменявших друг друга в пределах Руси: племенной, торговой, городской. Показано, что глубокий кризис древнерусской потестарной системы на рубеже XII—XIII вв. и последующая феодальная революция предопределили переход к феодальной ойкумене в рамках Московского государства. Зафиксировано, что ойкуменский фундамент способствовал восстановлению Российского государства после Смутного времени, а попытка провести индустриализацию после двух с половиной столетий помещичье-крепостной ойкумены окончилась неудачей. Установлено, что эта задача была решена уже большевиками. Сделан вывод о том, что переход к постиндустриальному обществу в России возможен в тесном сотрудничестве не с Западом, а с Китаем и другими интенсивно развивающимися странами.

Ключевые слова: ойкумена, история России, Древняя Русь, феодальная революция, индустриализация, реформа Столыпина.

В. М. Kondorskii

RUSSIA AS A STATE-OIKUMENA

The article attempts to comprehend and lead to a certain system of Russia's history based on the concept of oikumena as a system that has its own internal laws, as the unity of natural and social phenomena and processes. The specificity of the series of oikumena — tribal, trading, urban — which replaced each other within Russia is stated. It is shown that the deep crisis of the ancient Russian fastening system at the turn of the XII—XIII centuries and the subsequent feudal revolution predetermined the transition to feudal oikumena within the framework of the Moscow state. It is recorded that oikoumene foundation contributed to the restoration of the Russian state after the Time of trouble, and the attempt to carry out the industrialization after two and a half centuries of the landlord-serf oikumena ended in failure. It is established that this task has been solved by the Bolsheviks. It is concluded that the transition to the post-industrial society in Russia is possible in close cooperation not with the West, but with China and other intensively developing countries.

Key words: oikumena, history of Russia, Ancient Russia, feudal revolution, industrialization, Stolypin's reform.

Обычно под ойкуменой понимается заселенная человеком часть мира (земной поверхности). Мы же рассматриваем Ойкумену как особую систему, имеющую свои внутренние законы, как освоенное человеком географическое пространство, как единство природных и социальных явлений [15, с. 20]. Системообразующим отношением ойкумены как системы являются потоки

социальной информации. В период древности — в форме миграций (типа «просачивания»), торговли (как правило, престижными вещами), войн (по законам, которые принципиально отличались от современных). Основным субъектом ойкумены является индивид. Не общины, не роды и семьи, а именно индивиды. Мигрировали, торговали, вели войны индивиды. Здесь правильно говорить о кланах как объединениях индивидов-мужчин, в отличие от общины как объединения семей. Индивиды и их объединения, как носители информации, должны большую часть времени находились в движении. В раннем Риме так называемые *gens*, имевшие внутреннюю структуру характерную для классического клана, основную часть своего времени занимались набегами на соседей с целью угона скота [12, с. 33]. Подобного рода ситуация была характерна и для других регионов.

Процессы формирования ойкумен носят обычно сукцессивный, стадийный характер. Так же как и в случае растительных сообществ, сначала появляется пионерная ойкумена, которая начинает осваивать определенный тип региона, создавая условия для последующих стадий. Все это заканчивается так называемой климаксовой ойкуменой, имеющей сложную структуру.

Освоение окрестностей Средиземного моря начали финикийцы. Греки быстро переняли опыт финикийцев в мореходстве, торговле, основании колоний. Рим сначала формирует Латинскую, затем Италийскую и, наконец, Средиземноморскую ойкумену в рамках Империи.

Являясь в своей основе социально-географической системой, каждая ойкумена имеет свои естественные границы. Выход за их пределы всегда чреват тяжелыми последствиями. Здесь действует следующий принцип — субъекты исторического пространства одной ойкумены не могут оказывать определяющего воздействия на исторические процессы в рамках другой ойкумены.

Естественные границы Римской ойкумены проходили по Дунаю и Рейну, а на Востоке по границам Сирии и Палестины. Попытки римлян перейти Рейн при Августе закончились гибелью трех легионов в Тевтобургском лесу, что вызвало серьезные проблемы в Империи [38, с. 119]. Выходя за естественные границы на Востоке в ходе парфянских войн, римляне чаще терпели тяжелые поражения. Это и страшный разгром легионов Красса, и неудачный поход Марка Антония, и гибель императора Каракаллы [4].

Историю заселения славянами Русской равнины нужно рассматривать исходя из закономерностей ойкумены, а саму равнину — как вмещающий ландшафт по Л. Н. Гумилеву [7], который и послужил географической основой сменяющихся друг друга ойкумен различного типа в рамках Древней Руси.

Для славян первой половины и середины первого тысячелетия была характерна ойкумена племенного типа. Основу общин составляли кровнородственные связи. Большую роль в поддержании единства ойкумены играли ритуальные центры. Классическим примером в этом отношении может служить Стоунхендж. Ляхи, которые в VI веке расселились по Висле и Бугу, имели общий ритуальный центр — капище на горе Вавель [1, с. 43]. Можно предположить, что одним из важнейших восточнославянских ритуальных центров были киевские горы.

У славян в первой половине I тыс. н. э. был общественный строй, похожий на таковой у германцев времен Тацита. Существовал совет старейшин. Верховная власть принадлежала народному собранию. Для этого периода характерны временные дружины на основе мужского союза, которые на свой

страх и риск занимались набегами на соседние селения [22, с. 28—30]. Если собственно общины представляли консервативный, то объединение молодых индивидуумов — мобильный компонент ойкумены.

В VIII—IX веках, когда земли Восточной Европы в значительной степени были уже освоены славянским населением, наблюдался приток многочисленных групп славянских переселенцев из Подунавья. В процессе расселения старая племенная старшина утрачивала свои позиции, уступая место служилой [6, с. 19]. Имели место процессы, характерные для Великого переселения народов и сопровождавшиеся разрушением традиционных связей. Подобного рода пришельцы установили контроль над местными общинами на основе общественного договора. В результате появляется князь со своей дружиной, имеющий элементы публичной власти. Происходит усиление роли Перуна в пантеоне славянских богов [2, с. 85], который становится покровителем князей и дружинников [1, с. 42].

В этот период особую роль играют русы как изгои самого различного происхождения. Ибн Фадлан описывает русов как воинов и торговцев, которые не имели единого руководства. Команда каждого корабля обладала определенной автономностью и состояла из равноправных партнеров [33, с. 183—185].

Русы характеризовались отсутствием какого-либо земледелия, недвижимого имущества, централизованной власти [37, с. 75—76] и занимались международной торговлей, в основном невольниками и пушниной [29, с. 118]. Русы здесь предстают в качестве классических акторов ойкумены. В отличие от традиционных общин только русы, как «свободные атомы», могли стать купцами.

В VII—VIII веках с появлением и становлением Арабского халифата начинает формироваться сеть торговых путей, обеспечивающая связи Европы с Востоком. Появляется международная торговая ойкумена. В начале основную роль играет Средиземноморье. Затем появляется потребность в торговле с населением (племенами) Русской равнины, которые могли предложить дефицитные товары — в первую очередь пушнину и мед (воск). А также невольников, которые высоко ценились на Востоке. Здесь мы сталкиваемся с распространенным феноменом, характерным для ойкумены — продажей традиционными общинами «лишних ртов».

В IX—X веках доминировал волжский торговый путь. С ним были связаны несколько объединений русов. Помимо тех, которых описал Ибн Фадлан, можно говорить о донских русах, которые находились в своеобразной симбиозе с Хазарией [19, с. 62]. Хазары не имели своего флота и использовали русов не только для торговых целей, но и для набегов на своих торговых конкурентов в Каспийском море [10, с. 112—115]. Можно также говорить о таманских русах, которые в основном занимались пиратством в Черном море и набегами на византийские земли [19, с. 61—62].

Серьезные политические проблемы, возникшие в X веке на Среднем и Ближнем Востоке, нанесли заметный удар по существующей здесь торговой ойкумене. Это привело к резкому ослаблению Хазарского каганата. Именно эти факторы способствовали его гибели. Происходит разрушение конфедерации донских русов, реликтами которых впоследствии станут так называемые бродники.

Следующая ойкумена была сформирована уже северными (ладожскими) русами. Олег с дружиной (состоящей из русов) и воинами из варягов,

словен, чуди, мери, веси, кривичей устанавливает контроль над территорией смоленщины, а затем подчиняет среднеднепровские племена [32, с. 23]. Та легкость, с которой все это было сделано, связано с «ощущением» потребности в объединении славянских племен Русской равнины и формированием ойкумены нового типа. Подобного рода объединительные процессы в этот период происходят на территории Польши и Чехии. Олег закрепился в Киеве на основе договора с местной общиной, также как в свое время это сделали Аскольд и Дир [28, с. 134].

Для того, чтобы понять базовую специфику ойкумены нового типа, нужно обратиться к биологическим закономерностям. В экологических системах фундаментальным условием нормального биологического круговорота веществ является редукция произведенной биомассы. Именно этот блок выполняет управляющие функции в экосистеме [18, с. 123]. В этот период появляется избыточный продукт (как категория ойкумены), который не надо путать с прибавочным продуктом в рамках собственно экономической системы. Утилизация избыточного продукта в цивилизациях ранней древности была основой появления различного рода культовых сооружений: в том числе пирамид в Древнем Египте и в Мезоамерике. Следует отметить, что избыточный продукт появляется в вождествах, что отличает их от обычных племен типа североамериканских индейцев.

Древняя Русь весь период своего существования была вождеством с оболочкой раннего государства и потестарным типом власти. Не надо быть специалистом, чтобы увидеть кардинальные различия этого образования с государственностью Византии. Первичным звеном этого процесса является полюдье. Именно русы, как основа дружины Рюриковичей и становятся главными организаторами этого процесса. Следует отметить, что изъятие избыточного продукта проводилось на основе взаимного согласия. К тому же во время полюдья князь выполнял полицейские и судебные функции [3, с. 62]. Конфликт, который возник у Игоря с древлянами, был связан с тем, что князь грубо нарушил существующие на тот момент законы ойкумены.

В начале XI века начинается процесс формирования городской гражданской общины. В Правде Ярослава из 17 статей 10 посвящены правам личности члена городской общины [30, с. 73]. Происходит заметная имущественная дифференциация. Имущество становится принадлежностью не патронимии, а малой семьи. Члены городской общины, которые не могут исполнить свои гражданские обязанности, не имеют для этого достаточного имущественного ценза, превращаются в изгоев (холопов). Оказавшись за пределами городской общины, они переходили под защиту князя [31, с. 414] и благодаря его опеке снова становились частью правовой системы [36, с. 182].

В конце X века происходит упадок городищ как основы предыдущей ойкумены. Протогорода, которые населяли воины-купцы и ремесленники, были связаны с торговыми путями. С формированием ойкумены нового типа рядом с городищами появляются собственно города. Новгород, Смоленск, Ярославль, Ростов не стали прямыми преемниками Рюрикова городища, Гнездова, Тимерева, Сарского городища [9, с. 51].

Следует обратить внимание на очень важный момент. Любой город населялся находниками — людьми со стороны. Новгород это не город словен, также как Киев не город полян [23, с. 60]. В городе в рамках городской общины отсутствовали связи и соответствующий тип сознания,

характерные для традиционных социумов. Население городов в этот период формировалось исключительно на основе законов ойкумены — за счет отдельных индивидуумов.

В конце XII — начале XIII начинается кризис и этой ойкумены. Русь как историческая система уже не имела никакой перспективы дальнейшего развития. Нападения князей друг на друга, несоблюдение ими союзных соглашений, нарушение клятв, грабежи и разорение городов сопровождают историю Древнерусского государства вплоть до конца его существования [21, с. 13]. Происходит консервация городских общин и их социального сознания. Торговый путь «из варяг в греки» теряет свою актуальность вследствие упадка Византии.

Так называемое татаро-монгольское нашествие (как явление ойкуменского характера), как не покажется странным, принесло определенную «пользу», резко ускорив разрушение старой ойкумены. В противном случае мог иметь место процесс длительного «исторического загнивания». И главное — оно обеспечило достаточную глубину феодальной революции.

В Киевской Руси не было феодализма как системы. Имели место процессы феодализации, когда появляются внешние признаки, характерные для феодальной формации. Феодальная революция имела место во второй половине XIII века уже в рамках формирующегося Московского государства и послужила основой его дальнейшего развития почти на 300—400 лет позже, чем в Западной Европе [18, с. 126].

Основной целью любой революции является устранение носителей «старого сознания», часто путем террора. В Северо-Восточной Руси революция сопровождалась репрессиями по отношению к городским общинам со стороны Александра Невского и его сына при помощи татар [26, с. 197]. Революционный период здесь закончился на рубеже XV—XVI веков присоединением последних реликтов Древней Руси — Новгорода и Пскова.

В Западной Европе феодализм как формация потерял свою актуальность уже в конце XV века. Дворяне эпохи Тюдоров и внешне и внутренне отличались от рыцарского сословия времен Войны Алой и Белой розы. Во Франции Людовик XI обладал уже принципиально новым типом общественного сознания и всеми доступными средствами боролся против феодальной «вольницы». Наконец, заключение в середине XVII века Вестфальского мира знаменовало появление европейской межгосударственной политической системы. Законы ойкумены здесь отходят на второй план.

Несколько иная ситуация наблюдалась в рамках Московского государства. Важным моментом перехода от одного этапа исторического развития к другому, посредством революций, является уровень преемственности с предыдущим периодом, который здесь отличался определенной заметностью в плане социального сознания по сравнению с Западной Европой. Все это спровоцировало и междоусобную войну во второй четверти XV века и, главное, явилось причиной опричнины при Иване Грозном, направленной против носителей «старого сознания». Здесь явно прослеживаются рецидивы мужского союза (как института ойкумены), которые касаются даже таких моментов как собачья голова, прикрепленная к шее лошади опричника. Волк (собака) исторически были основным символом мужских союзов у славянских и иранских народов [8, с. 61—75].

Наследие феодальной раздробленности XIV—XV веков, оказавшее определяющее влияние на общественное сознание тогдашней элиты, а также

неблагоприятная геополитическая ситуация, помешали в этот период появлению устойчивого государства. Попытки посредством Ливонской войны сформировать полноценную ойкумену привели к перманентному внутреннему кризису во второй половине XVI века.

Смутное время начала XVII века явилось следствием кризиса феодальной ойкумены. Крайне тяжелые последствия этого периода в экономической, политической и социальной сферах имели и положительную сторону. Сформировался тип общественного сознания, который имел твердый базис, основанный на единстве и целостности российской ойкумены. Именно в этот период появляется Россия как государство-ойкумена. Однако все в истории имеет свою «цену». По существу, начиная с воцарения Романовых, в течение двух с половиной веков мы имеем единую ойкумену, которую условно можно назвать помещичье-крепостной. Более 90 % населения было законсервировано в рамках крестьянских общин, социальное сознание которых не претерпело никаких изменений в течение всего этого периода. В России не было даже намека на английское «огораживание».

Реформы Петра во всех сферах прямо или косвенно были направлены на создание современной армии и флота. Борьба за выход к Балтийскому морю имела для России жизненный характер. Но победа в Северной войне и активная дипломатия Петра в европейском направлении [25] способствовали вхождению России в европейскую систему политического равновесия. При этом Россия стала важнейшим фактором этого равновесия. Европа в течение двух столетий любыми способами втягивала Россию в свои внутренние разборки. Однако блестящие победы русского оружия, сопровождавшиеся тратой огромных людских и материальных ресурсов, не приносили России каких-либо дивидендов. Здесь уместно вспомнить, что выход за пределы естественной ойкумены ни к чему хорошему не приводит¹.

Польша, включенная в состав Российской империи в качестве награды за поход русской армии 1813—14 годах против Наполеона, все сто лет оставалась «инородным телом». То же самое относится к Финляндии. К тому же вчерашние союзники, начиная с Августа Сильного, старались «нагадить» России при первом удобном случае. Единственным исключением был период царствования Екатерины II, которая вела войны исключительно в интересах Российского государства, его ойкумены.

Походы Карла XII и Наполеона на Россию закончились полным крахом, несмотря на то, что их армии были более сильными в военно-профессиональном отношении. Гениальность Петра и Кутузова заключалась в том, что они смогли перевести противника из европейского военно-политического в цивилизационное пространство российской ойкумены, где климатические и географические факторы сыграли не последнюю роль в его разгроме. Следует обратить внимание на партизанское движение в обоих случаях как чисто ойкуменское явление. На Западе нечто похожее было только в Испании.

Уже в начале XIX века существующий тип ойкумены полностью исчерпал свой потенциал. В связи с промышленной революцией в Западной Европе возникла острая потребность в формировании уже ойкумены индустриального типа. Однако, также как и в петровский период реформы Александра II

---

¹ Забегая вперед, следует отметить, что классическим примером в советский период выхода за пределы естественной ойкумены был ввод войск в Афганистан.

носили форсированный и подражательный характер (имеется в виду Европа). Если при Петре была предпринята попытка насаждения сверху европейского образа жизни, то в 1861 году — насаждения сверху капитализма и некоторых элементов западных свобод. В обоих случаях они затрагивали, в основном, тонкий элитарный слой общества.

В России капитализм не имел своих корней [16, с. 80]. Для российской цивилизации были характерны коллективизм, общинность, приоритет духовных ценностей над материальными [27, с. 29]. Цивилизационная специфика в плане социального сознания отталкивала основную массу населения от капиталистических общественных отношений. Общинная этика отвергала протестантскую. Капитализм в России существовал в виде уклада, а не системы. Уклад не имеет потенциала развития. Для появления капиталистической системы необходима определенная критическая масса капитала — чтобы в дальнейшем пошла «цепная реакция». В России этого не было. Капитал лишь одной американской «Юнайтед Стил корпорейшн» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России [35, с. 19].

Тип сознания российской традиционной элиты кардинально отличался от таковой на Западе. После реформы 1861 года объем крестьянских выкупных платежей составил около 10 млрд рублей [14, с. 57]. Однако русские помещики, как правило, не вкладывали деньги в развитие экономики, а «проедали», в отличие от Германии и Японии. Реформа 1861 года еще более укрепила власть сельской общины над крестьянами. Следует учесть, что сознание российского крестьянина воспринимало землю как божью, ничью [13, с. 60]. Отсюда — полное неприятие частной собственности на землю, требование отменить ее продажу. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатства [24, с. 670]. Землю считали общим достоянием тех, кто ее обрабатывал. Таким образом, даже после реформы 1861 года сельское хозяйство в крестьянском секторе по-прежнему функционировало по законам ойкумены.

Попытка Столыпина разрушить крестьянскую общину, в конечном итоге, закончилась провалом. В значительной степени это объяснялось тем, что ее сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню [11, с. 25]. Сознание кулака принципиально не отличалось от такового обыкновенного члена крестьянской общины. В итоге политика Столыпина — по разным причинам — не смогла устроить ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя [34, с. 135]. Подобного рода проблемы были характерны и для реформ в промышленной сфере. Важность ускоренной индустриализации понимал С. Ю. Витте, который считал, что только она спасет подлинный суверенитет России [5, с. 173]. Основная его ошибка заключалась в том, что основную ставку он делал на привлечение иностранного капитала. Однако опора на заграницу неизбежно ставила Россию в подчиненное положение и создавала угрозу национальной безопасности.

В биологии есть понятие «инадаптивного развития», когда та или иная эволюционная ветвь пытается достигнуть определенных результатов без глубоких преобразований исходной организации. Нечто похожее мы наблюдаем в России в конце XIX — начале XX века. Так что последующую Российскую революцию следует рассматривать как неизбежность.

В 1920-е годы в Советской России сформировалась политическая система, которая по-прежнему имела фундамент на основе законов ойкумены. Советское руководство, в первую очередь в лице Сталина, «чувствовало» эти

законы (в отличие от царских министров) и, главное, следовало им в своей внутренней политике. Коллективизация, как полная аналогия английского «огораживания», привела к разрушению традиционной общины и индивидуализации крестьян, «ввела» их в пространство ойкумены. Индустриализация в СССР проводилась, в отличие от промышленной революции на Западе, в соответствии с ее законами.

Нужно иметь в виду, что все революции, начиная с неолитических и заканчивая Новым временем, происходили по законам ойкумены. Акторами так называемых «буржуазных» революций были не буржуа, а те, кого Ленин называл разночинцами — изгой из своих сословий, индивиды, имеющие общественное сознание, кардинально отличное от корпоративного. Кстати, Сталин всеми доступными средствами боролся против любой корпоратизации в рядах управляющей элиты.

Кризис 1980-х годов в Советском Союзе был кризисом данного типа ойкумены. В 1990-е годы российская руководящая элита наступила на те же «грабли», что и руководство царской России. Причем, если в первом случае это имело форму трагедии, то во втором случае — фарса. Сравнить подобного рода «элисту» со П. Столыпиным и С. Витте, не говоря уже о руководстве партии большевиков — «не поворачивается язык».

Сейчас на Западе много говорят о постиндустриальном обществе. Но с учетом его «исторического возраста» это не более, чем «пена», «обманка». Здесь мы наблюдаем глубочайший внутренний кризис, который в определенной степени проявила эпидемия коронавируса [20]. Из экономического кризиса 2007—2008 годов не было сделано абсолютно никаких выводов. Так что все еще впереди.

Здесь нужно обратить внимание на одну, очень интересную закономерность. Если возникает какое-либо явление, угрожающее безопасности социально-политической (экономической) системы и на него не обращают должного внимания, оно рано или поздно проходит «точку невозврата», увеличиваясь в объеме, автономизируясь, структурируясь. Появляется деструктивная система, которая развивается уже по своим внутренним законам. Если вначале проблему можно решить «малой кровью», то после перехода «точки невозврата» — уже «большой». Однако имеет место и вторая «точка невозврата», после которой появившуюся угрозу нельзя устранить даже «большой кровью» и обычно это заканчивается разрушением существующей системы [17, с. 26].

Специфика данного явления заключается в том, что в процессе автономизации вновь возникшие деструктивные системы начинают действовать по законам ойкумены. В цивилизационных странах, имеющих ойкуменский фундамент, типа России и, особенно Китая, не смотря на издержки, в процессе исторического развития имели место мощные регенерационные потенциалы. В то же время в рамках западной цивилизации в настоящее время ситуация все больше напоминает ту, что была характерна для поздней Римской империи.

Современный Китай в своем развитии твердо опирается на фундамент исторической ойкумены. Автором было показано, что для того чтобы понять глубинную суть проекта «Экономический пояс на Шелковом пути», необходимо углубиться в историю Китая на две с половиной тысячи лет [17]. России и Китаю, вместе с так называемыми странами третьего мира, нужно сформировать собственное политическое, экономическое и финансовое пространство, функционирующее с учетом реальных (объективных) законов Ойкумены.

Список литературы

1. *Алексеев С. В.* Великое расселение славян. М.: Вече, 2015. 352 с.
2. *Алексеев С. В.* Праославяне. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Академический проект, 2015. 430 с.
3. *Асонов Н. В.* Эволюция социально-политических представлений в Домонгольской Руси. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 135 с.
4. *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Система политического дуализма в Передней Азии. М.: Изд-во МГУ, 1966. 303 с.
5. *Верт Н.* История Советского государства. М.: Весь мир, 2006. 560 с.
6. *Горский А. А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
7. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоздат, 1990. 528 с.
8. *Гутнов Ф. Х.* Ранние скифы. Очерки социальной истории. Владикавказ: Ин-т цивилизации, 2006. 202 с.
9. *Даркевич В. П.* Происхождение и развитие городов древней Руси (X—XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 43—60.
10. *Ермолова И. Е.* Политика Византии по отношению к кочевникам в V—VI вв. // Восточная Европа в исторической перспективе. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 72—78.
11. *Зырянов П. Н.* Столыпин без легенд. М.: Знание, 1991. 64 с.
12. *Игнатенко А. В.* Избранное. М.: Норма, 2013. 464 с.
13. *Кабытов П. С.* Русское крестьянство в начале XX века. Саратов: Изд-во СарГУ, 1990. 146 с.
14. *Ковальченко И. Д.* Столыпинская реформа // История СССР. 1991. № 1. С. 52—73.
15. *Кондорский Б. М.* Историческое развитие китайской ойкумены в древности // Общество и государство в Китае. Т. XLVII, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2017. С. 20—35.
16. *Кондорский Б. М.* Попытка анализа характера развития капитализма в России в конце XIX — начале XX века с позиций концепции революционного периода // Журнал региональной истории. 2017. № 3. С. 73—91.
17. *Кондорский Б. М.* Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 21—28.
18. *Кондорский Б. М.* Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019. № 3. С. 112—131.
19. *Кондорский Б. М.* Азово-Черноморские русы // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: материалы конференции. Краснодар: КубГУ, 2020. С. 59—65.
20. *Кондорский Б. М.* Социально-исторические аспекты пандемии COVID-19 (теоретические предпосылки) // Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций: Материалы XXV Всероссийских историко-педагогических чтений. Екатеринбург: УрГПУ, 2021. С. 84—88.
21. *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. Киев: ИИУ НАНУ, 2013. 270 с.
22. *Левченко М. В.* Византия и славяне в VI—VII веках // Вестник древней истории. 1938. № 4 (5). С. 23—48.
23. *Милов А. Н.* Первослово, или Третья Русь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 504 с.
24. *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII—XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
25. *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М.: Международные отношения, 1984. 440 с.

26. *Оловинцов А.* Статус Руси в XIII—XVI веках. Тюрки или монголы? Иго или противостояние? М.: Алгоритм, 2018. 432 с.
27. *Ольштинский Л. И.* Советское общество. Кн. 1. Путь России к социализму (1905—1920 гг.). М.: ИТРК, 2014. 184 с.
28. *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. М.: Гнозис, 1995. 330 с.
29. *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13—412.
30. *Поляков А. Н.* Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 67—86.
31. *Пресняков А. Е.* Княжое право древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука. 1993. 642 с.
32. *Темушев С. Н.* Образование Древнерусского государства. М.: Квадрига, 2014. 208 с.
33. *Толочко А. П.* Очерки начальной Руси. К-СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.
34. *Тютюкин С. В., Шелохаев В. В.* Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996. 240 с.
35. *Уткин А. И.* Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
36. *Фроянов И. А.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 512 с.
37. *Шинаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.
38. *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. 200 с.